

Чем ближе подходила демобилизация, тем чаще солдаты и сержанты прикидывали:

— Куда после армии?

Газеты звали на строительство железной дороги Абакан — Тайшет, в Норильск, в Дивногорск... Сослуживцы командировали меня, комсорга полка, в обком ВЛКСМ: «Поразведай насчёт комсомольских путёвок. Выбери поинтересней...»

Посоветовавшись с первым секретарём Оренбургского обкома Петром Алексюком и с инструкторами, я вернулся в часть и горячо предложил:

— Едемте в Гай!

Друзья были не в восторге.

— Вот так выбрал! Ну что за ударная стройка — в трёхстах километрах от города?..

Мечты неслись на Север, в тайгу, туда, где нужны были только первые.

В апреле мы демобилизовались. Немногословные командиры, товарищи сказали нам напутственные слова, подарили приёмник «Турист» и проводили вечером на вокзал.

Поезд бежал в ночную оренбургскую степь, а душа рвалась назад, к однополчанам. Армия! Тысяча дней позади. И каких дней!..

В рассветной мгле виднелись высокие дымящиеся трубы и корпуса Орско-Халиловского металлургического комбината. Сердце мое радостно дрогнуло. Здесь я уже бывал в прошлом году, накануне пуска второй комсомольской домны. Встречался с начальником комсомольского штаба стройки Владимиром Максименко. Повидал его в работе. Какой же это был организатор-виртуоз!

К нему шли отовсюду, со всех строительных площадок... Володя всем был нужен: мастерам и прорабам, поварам и журналистам, инженерам и бригадирам. В кирзовых сапогах размашисто ходил он по стройке, старался всё видеть и слышать, на ходу принимал решения. В штабном вагончике, не выпуская телефонную трубку, диктовал тексты «молний» и «тревог», кого-то вызывал в штаб, кому-то писал письма... И всё это делал быстро, чётко, с огоньком. Максименко горел в работе и зажигал собой других.

---

* Поляничко В.П., Поляничко Л.Я. Время выбрало нас. — Оренбург, Печатный Дом «ДИМУР», 1997

Комсомольские штабы в те годы только создавались, опыта не было. Многое зависело от того, кто штаб возглавляет. И когда в обкоме зашёл разговор о предстоящей работе в Гае, мне сразу же вспомнился Володя Максименко и весь тот напряжённый день, проведённый с ним на ударной стройке. «Смогу ли я так, как он?»

И вот снова распахнулась перед глазами знакомая панорама рабочего города, за которым где-то в ковильной степи, в сорока километрах от Орска, и находилось местечко с романтическим названием — Гай. Геологи нашли здесь медную руду. Строительство Гайского горно-обогатительного комбината только-только начиналось.

В кабинете первого секретаря Орского горкома партии Ивана Артёмовича Хлевина собрались Пётр Алексюк, секретарь горкома комсомола Александр Николаев, работники аппарата. Пригласили и меня. Обговаривали стратегию и тактику Всесоюзной ударной стройки. Обращаясь ко мне, Хлевин сказал:

— Едешь на передний край. Создай здоровое ядро. Без актива нет коллектива. Почаще звони, советуйся. Ну, держись, старшина!

Отправлялись на стройку ранним утром. Дым заводских труб сливался с низким небом. За городом асфальт кончился, вместо дороги — набухший снег. Машины забуксовали и вскоре

остановились. Со мной ехала группа демобилизованных воинов. Пробовали идти по снежной целине, но тщетно — вязли, проваливались по колено. Помогла солдатская находчивость: к трактору прицепили лист железа и, балансируя на этой «площадке», поддерживая друг друга, тронулись в путь. К вечеру остановились на взгорке. Тракторист махнул рукой:

— Вот наш Гай.

Справа чернела рощица, маячил каркас шахты, пестрели проталины, слева виднелись три домика, из землянок курился дымок.

Нас встретил парторг стройки Николай Иванович Коньчев. Отогревшись в его комнатке, обсудили план подготовки к завтрашнему комсомольскому собранию. На ночлег разошлись кто куда. Первые ночи коротали в землянке под ивами, у старика-возчика. Старик нахваливал высокую проходимость своего, гужевого транспорта: «Из города ушёл, там везде асфальт. За день так настучит голову, а здесь по земле едешь, как по пуху».

От него впервые услышали мы о целебных свойствах гайского озера, которое стало ориентиром в поиске медных руд. Тут же, при свечке, я сделал первые записи в дневник.

Собрание провели на пустыре, изрытом канавами, заваленном горами камня и земли. Сидели на шлакоблоках и поставленных на ребро кирпичях. Не было

ещё какого-либо помещения, сидели под открытым небом. Не было ещё и жилья, но ребята не унывали. Их выступления были бодрыми, умными, конструктивными. Секретарём комитета избрали Владимира Гуркина, начальником комсомольского штаба — меня.

Приехавшее на собрание начальство из Оренбурга и Орска в тот же вечер укатило со стройки на... железном листе, который тянул по весеннему бездорожью трактор. Разошлись и ребята. По землянкам и палаткам. Говор, смех затихали то в одном, то в другом конце степи, словно прихлопнутые дверями землянок.

Работники же комсомольского штаба всё ещё стояли возле сколоченного из неоструганных досок столика и обсуждали ближайшие дела. На душе было какое-то неясное ощущение неудовлетворённости: очень уж буднично прошло это первое собрание.

Впрочем, что теперь поделаешь? Собрание окончилось. Ребята разошлись.

— А как у нас насчёт музыки? — обратился к штабистам один парень. — Танцы бы...

— Можно и танцы. Но подо что танцевать?

— Комсомольская организация создана. Культсектор есть. Вот пусть и проведёт первое мероприятие — танцы под луной! — настаивал парень и чуть погодя предложил:

— Есть тут у нас гармонист. Коля. Хотите приведу?

Собралось человек двадцать. Принесли гармошку. Коля уместил её на коленях, пробежал пальцами по клавишам. Ребята и девчата, разбившись на пары, доверчиво зашаркали по щепню и щепкам.

Но гармонь вскоре подвела: залегли басы. Коле светили спичками, он усердно колупал утонувшие в грифе клавиши.

Кто-то зло бросил в темноту:

— Эх вы, начальники... Людей взбаламутили, а танцы того...

Кто-то нехорошо засмеялся.

Тут я вспомнил о портативном радиоприёмнике «Турист», вынул его из армейского вещмешка, наугад покрутил ручку настройки. И сразу же, словно по заявке, полилась мелодия старинного русского вальса.

Снова закружились пары.

Расходились поздними лунными тропинками.

Довольные, прощаясь, хлопали друг друга по плечу.

Девятое мая стало днём рождения Гая. С утра поступило сообщение: на стройку прибывает большой отряд комсомольцев. Тот день был очень солнечным, весёлым. В зелёной степи белели палатки, повсюду адели флаги. В полдень колонна машин отправилась в город за добровольцами. На перроне уже сверкали трубы духового оркестра. И вот показался поезд, украшенный цветами, кумачом. На привокзальной площади вспыхнул митинг. Трибуной стал один из бортовых

грузовиков. Ещё в дороге Гуркин предупредил: «Микрофона не будет. Давай погромче, по-солдатски!»

После митинга сразу же поехали в Гай.

Колонна машин остановилась на холме, с которого открывался вид на будущий город. Белые пикетеры палаток да ниточки красной глины, обозначающие фундаменты будущих домов и зданий. Подъехали к палаточному городку. Некоторые новосёлы были даже разочарованы: они настраивались бороться с трудностями, а тут кровати с панцирными сетками, белые простыни, тумбочки с цветами, стулья...

Перекусив, ребята стали собираться на работу.

— Отдохнули бы с дороги.

Куда там! Некоторые, не дожидаясь утра, вышли на работу во вторую, ночную смену.

На оперативках и собраниях, в штабе и палатках в те дни слышалось одно — ЛЭП. Это слово не сходило с листков «тревог» и «молний», со страниц газет. Башенным кранам, экскаваторам, бетонным узлам, кухням, радиоприёмникам, утюгам, электробритвам нужна была постоянная энергия. «Лэповскими» месяцами стали апрель, май, июнь. Самых крепких ребят, знающих строительное и монтажное дело, направили на сооружение ЛЭП. До ближней электромагистрали Ирикля — Орск предстояло установить 38 опор.

Стройка рождала ударников и новаторов. За 22 часа непрерывной работы Миша Федюкевич, Петя Кошкин, Коля Пашков, Михаил Ферафонов уложили в фундамент подстанции 240 кубометров бетона. Одна за другой подъезжали машины с красными флажками. Но к вечеру возникли перебои. В чём дело? Девчата приустиали. Шура Чебыкина попросила помощи. Я тут же сел на мотоцикл и помчался в радиозузел. «Друзья! Бригада Михаила Федюкевича работает без перерыва вторую смену. Так же трудятся девчата на бетонном узле. Они устали. Нужна помощь. Ждём!»

Захлопали пологи палаток. Отобрали двенадцать парней и направили их на бетонный узел. И снова конвейер заработал беспрерывно. В середине ночи вышел из строя движок. Пришлось установить три автомашины и при свете фар закончить укладку бетона.

Котлованы под опоры сначала рыли вручную. У каждой площадки был свой нор. Девятнадцатая опора попала на яшмовую гряду. Камень не брали отбойные молотки, не помогли и взрывники. Пригодился дедовский метод: разводили костёр, раскаливали яшму, потом на неё выливали холодную воду. И снова за молотки и ломы. Так сантиметр за сантиметром шли вглубь.

Ещё «злее» оказалась двадцать четвёртая. Попала она в озерко, которое ни проектировщики, ни геодезисты в январскую

метель не заметили. По непролазной грязи мы с Володей Гуркиным пробрались к оторванной от большой земли бригаде Толи Михайлова. Мы настаивали на том, чтобы прямо в воде кессонным способом установить фундамент. К Толе и его ребятам присоединилась бригада Михаила Федюкевича, на помощь пришли инженеры, специалисты. Повариха Рая Абсальямова днём и ночью кормила ребят. В студёной воде пришлось поработать и штабистам, но дольше других находился в купели Миша Зулкорнеев. Комсомольцы сделали, казалось бы, невозможное, и фундамент вскоре принял на себя тяжёлую мачту.

На ЛЭП отличился и Анатолий Бусаргин. Ещё по зимнику он перегнал свой экскаватор из города. И теперь, когда подсохло, получил задание рыть котлованы под опоры электромачт. Работал вместе с геодезистом Иваном Андреевым далеко в степи — насыпали бугры глины. С яшмовой гряды они смотрелись как шлемы богатырей. И вдруг на Анатолия поступила жалоба: отказался рыть котлован под двадцать шестую. Уже было занёс ковш, а потом вылез из кабины и заявил:

— Рыть не буду. Цветы жалко.

— Я было начал рвать, так он, лирик, ковшом отогнал, — жаловался геодезист.

Я поехал к котловану. По дороге встретил и пригласил в кабину жену Бусаргина.

Экскаваторщик принял нас прохладно:

— Что, агитировать приехали?

Долго сидел в раздумье, не решаясь поднять руку на поляну красных тюльпанов. Потом бережно поддел ковшом пласт цветущей земли и поднёс его к жене. Она от неожиданности вскрикнула и начала рвать, рвать сотрясаемые дрожью мотора степные цветы. А Толя снова и снова преподносил ей радость весны, красоту земли, свою трудовую радость. Двадцать шестую и сейчас зовут «цветочной». В квартире Бусаргиных хранится «молния», посвящённая Анатолию, а на шкафчике — высохшие полевые цветы. Это те самые, с двадцать шестой.

Так одна за другой поднимались в солнечной степи ажурные мачты. Срочно потребовался трансформатор. Телефонные разговоры, телеграммы, письма — всё как о стенку горох. Управляющий трестом попросил направить в Запорожье боевого комсомольца. Выбор пришёлся на члена штаба Гену Кочергина. И он выехал. Дни и ночи проводил в цехах трансформаторного завода. На собраниях рассказывал о Гае, просил заводских комсомольцев поработать в субботу и воскресенье, сам стал к станку. Наконец трансформатор был готов. Но его предстояло ещё отгрузить.

Начальник заводского техснаба, черноглазый армянин, несмотря на горячие просьбы Геннадия

ускорить отгрузку, твердил лишь одно: в порядке очереди.

— Ну ради вашей солнечной Армении ускорьте отгрузку. Ради Сильвы Капутикян, ради Арама Хачатуряна. Ради ваших земляков, которые работают на нашей Всесоюзной ударной! — умолял Геннадий.

— Что? — уже с интересом взглянул на парня техснабовец. — Ты Арама Хачатуряна знаешь? «Танец с саблями» знаешь? Ах, горячая кровь, правда?

Вскинув руки, прошёлся на цыпочках вдоль стола.

Потом взглянул на удивлённого Геннадия, сел и сказал тусклым голосом:

— Когда подойдёт очередь — тогда и получишь. Не мешайте работать.

Геннадий побежал на трамвайную остановку.

— Скажите, где магазин грампластинок?

«Танца с саблями» там не оказалось. Удручённый, вернулся на завод, зашёл в комитет комсомола.

— У вас есть собиратели пластинок? — спросил он у ребят. — Может быть, найдётся у кого-то хачатуряновский «Танец с саблями»? Во как нужен!

Секретарь комитета улыбнулся и начал звонить ребятам, стремясь помочь Кочергину в его несколько странной просьбе.

Через полчаса Геннадий с пластинкой в руках снова вошёл в приёмную начальника технаба, где в углу, возле холодильника,

стояла массивная радиола. Тисшину конторы тотчас прорезала вихревая мелодия танца. Смягчились строгие лица снабженцев и экспедиторов.

— Ай, весёлый, горячий человек ты! Люблю. Сам такой. А главное, не за себя, а за дело воюешь, — говорил армянин, и в его горячих глазах искрилась щедрость. — Трансформатор, говоришь? На три месяца раньше? Так, так, так... Хорошо. Сам займусь.

Две тысячи километров проехал с трансформатором Геннадий, не допуская ни малейших задержек на сортировочных станциях.

И вот трансформатор в Гае, подключён к ЛЭП. Вспыхнули красные сигнальные лампочки — подстанция приняла ток. А через две минуты на громоотводах загорелись слова: «Мир», «Гай». Пунктир огоньков оцепил палаточный городок. Я заглянул в палатку к Кочергину. Геннадий что-то писал.

— Мы договорились с Суреном Гургеновичем, начальником технаба, что, как только дадим на стройку электросвет, я при этом первом свете напишу ему письмо. Отзывчивый человек, в молодости танцевал в самодеятельности.

Вместе с Геннадием мы сели и написали доброе письмо в Запорожье. Письмо о свете дружбы.

В конце мая состоялся митинг, посвящённый заключению договора на соревнование между

гайстровцами и строителями стан на «2800» Орско-Халиловского металлургического комбината. Кузов машины был превращён в трибуну, на неё поднялись гости, передовые строители.

Первый секретарь обкома партии, рассказав о задачах строителей, обратился к участникам митинга с неожиданным вопросом:

— Пора подумать о названии будущего города. Как назовём его?

Из толпы неслось:

— Гай! Гай!

— А почему?

— Потому что Гай — это зелёная роща. Вот мы и сделаем наш город зелёным, цветущим.

— Потому что здесь проходил в гражданскую войну начдив Гай.

— И до нас это местечко называлось Гаем.

— Верно! Красивое название.

Первый секретарь поднял руку:

— Убедили. С этого дня будущий город будет называться Гай. И пусть в его имени сольются водоедино и красота зелёной рощи, и множество героев революции. В добрый путь, Гай!

В Гае легче было достать молоко, чем воду: её привозили из соседней деревни Калиновки. Не раз утром в палаточном городке слышалось:

— Опять нет воды. Пойдём росою умываться.

Это значило, что шофёры водовозов не смогли пробить — развезло дорогу. Нехватка

воды сдерживала работу бетоно-растворных узлов, чахли посаженные деревья. Свообразной дорогой жизни стал строящийся водовод.

В середине июля Иван Артёмович Хлевин попросил меня собрать внеочередное заседание штаба.

— Хотим посоветоваться, как быстрее пустить водовод, без воды туго. Но есть ещё один объект, без которого нельзя жить, — школа. И на водоводе, и на школе не хватает ежедневно 15—20 тысяч штук кирпича. Темпы работ опережают поставку материалов. Нужен кирпич.

Сообща искали выход из сложившейся ситуации. Решили направить на все кирпичные заводы области письма-просьбы к комсомольцам: поработайте в воскресенье, дайте 30—40 тысяч штук кирпича сверх плана. Группа каменщиков выступила с открытым письмом в областной газете и по радио.

Откликнулись Оренбург, Бузулук, Бугуруслан. «Мы обсудили», «Мы приняли», «Мы с вами...» Штабисты довольно потирали руки. Но управляющий трестом Алексей Васильевич Радостев хмурился. Всё это придёт в августе, а в июле что делать?

Подумав, первый секретарь горкома партии посоветовал:

— Надо съездить в Медногорск. Там есть кирпичный заводик. Попробуйте договориться.

На заводе провели собрание. Молодёжи среди рабочих было

мало, но это не помешало наладить с коллективом деловую связь. Гайстроевцам было обещано: каждое воскресенье можете забирать 40—50 тысяч кирпичей.

В субботу члены штаба стали готовиться в дорогу. Сколотили колонну из 55 грузовиков. Штабной художник Витя Шубин оформил головные машины. Ваня Баскаков, Шура Чебыкина, Нина Пономарёва ходили по палаткам, агитировали ребят в поездку.

Потом включили радиоузел:

— Друзья! К вам обращают комитет комсомола и штаб с просьбой поехать за кирпичом в Медногорск. Вы только что пришли с работы, устали, да и рейс будет нелёгкий, в оба конца 200 километров. Но этот кирпич нужен на водовод и на школу. Мы обращаемся к тем, кто может отправиться в дорогу. Машины ждут у штаба.

Машины с флагами, надписями на кабинах подъезжали, а добровольцев было негусто — всего человек сорок. Член комсомольского штаба Георгий Александрович Алабужин посоветовал:

— Давайте на самой разукрашенной машине съездим в Палаточный. Ребята просто ещё не успели перекусить.

Пробежали вдоль рядов палаток. Парни и девчата быстро садились в кузов, торопливо дожёвывая на ходу колбасу, булки. Почти на километр растянулась колонна. Сплошная белёлая стена пыли, она скрипела на зубах,

забивала волосы. В закрытых наглухо кабинах было жарко и душно.

К вечеру насквозь пропылённые ребята и девчата высыпали из машин на асфальтовый двор завода. Погрузочная площадка ожила, загомонила. В самом центре между тумбочками кирпича алело комсомольское знамя стройки.

Первую партию машин загрузили за пятнадцать минут.

— Эх, не успеем сегодня на танцы! — вздыхали девушки.

Расторопно шла погрузка. Но вдруг из-за Губерлинских гор навалились тучи. Заветвились по тёмному небу молнии, загромыхал гром, сыпанул дождь. Мокрая одежда прилипла к разгорячённым телам, выскальзывали из рук мокрые кирпичи. И тут кто-то запел:

*Забота у нас такая,
Забота наша простая...*

Песню подхватили. А дождь лил. Молнии рвали низкое небо. Кирпичи с каждой минутой становились тяжелее, стирались в кровь пальцы, но ребята держались, и в ненастный простор неслась песня.

Измученные, тронулись в обратный рейс. У железнодорожного переезда остановились перед опущенным шлагбаумом. Обождали, но поезда не видно и не слышно. В чём же дело? Подошли к будке.

— Отец, пропусти, — попросил я сторожа.

— А ты мне не указ. Мне сам горисполком дал персональное задание: не выпускать кирпич.

Что делать? Надо звонить председателю горисполкома. Но телефонистки «не смогли» найти председателя ни дома, ни на работе. Секретаря горкома партии тоже не было. Суббота. Упросили междугородную дать Оренбург. Первый секретарь обкома комсомола Алексюк ездил по области. А что, если?.. «Девочки, дайте, пожалуйста, первого секретаря обкома партии». В трубке послышался знакомый голос. Я рассказал о случившемся.

— Чем люди заняты?

— Спят в кабинах.

— Ступайте к ним и от имени обкома поблагодарите. К вам сейчас подъедут.

Пока вели переговоры, появились милиционеры и начали проверять накладные на кирпич. Этого ещё не хватало! И тут в конце колонны появилась зелёная «Победа». Подбежал молодой человек, представился:

— Дежурный по горкому партии.

И работники милиции пропустили нас.

В Гай вернулись ночью. Бережно разгрузили кирпич и еле еле доплелись до палаток. Городок не спал. На танцплощадке гремела музыка.

Через несколько минут заговорил местный радиоузел. В наступившей степной тишине разносилось:

— Экстренное сообщение! Только что закончился первый комсомольский рейс за кирпичом. В рейсе участвовало 55 шофёров и 140 ребят и девчат. Работали здорово. Привезли 50 тысяч штук кирпича. Он пойдёт на строительство школы и водовода. Каменщики бригад Шибина и Черкасса могут завтра же начинать кладку. Участники рейса получили благодарность от обкома партии. А сейчас ребятам нужно поспать.

И тишина опустилась над Палаточным.

Сколько было подобных воскресных рейсов, субботников! С каждой неделей рейсы становились всё труднее. Близилась зима. Материалы для стройки приходилось брать всё дальше от Гая.

На строительстве школы организовали трёхсменную работу, каждая бригада, чем бы она ни занималась, еженедельно выходила на дополнительную «школьную» смену. Сентябрьским утром бригадир Нина Пономарёва, которая со своими девчатами дневала и ночевала здесь, подняла медный звонок, и ребята разбежались по солнечным классам на первый урок в новой школе.

А через несколько дней в Гай пришла вода. Управляющий стройтрестом сказал на митинге комсомольцам и молодёжи:

— Сынки, доченьки, спасибо вам за труд, а за кирпич особо. Как только выдастся свободное

время — напишу вашим родителям, поблагодарю их за то, что вырастили настоящих тружеников!

После аплодисментов наступила тишина. И только слышно было, как льётся, шумит, клочечет, журчит, булькает уральская вода. Подставляли кружки, чайники, бидоны, фляжки, тазики.

... Душой стройки был управляющий трестом, ветеран первых пятилеток Алексей Васильевич Радостев. Он всегда помнил о комсомольском штабе, бывал на его заседаниях, подсказывал, поручал, советовал. Доступность Радостева хорошо знали строители, шли к нему с разными вопросами — служебными и личными. Радостев ездил на чёрном ЗИМе. Хорошим работницам сулил: будешь замуж выходить — отвезём в загс на ЗИМе. И было не раз: к палатке подъезжал роскошный автомобиль, жених и невеста садились в него и ехали на свою свадьбу.

Радостев не только руководил строителями, но и дружил с ними. Случалось, что и часы досуга проводил вместе с молодёжью. Ему писали родители тех парней и девочек, которые трудились в Гае, и он аккуратно отвечал им.

Холмисты, беспокойны южноуральские степи. Украшают их невысокие жёсткие кустарники да редкие островки берёзовых или кленовых рощ. Словно тени от облаков, движутся по степям

стада овец. Как-то, пригнав скот на водопой к озеру, пастухи-казахи обратили внимание на то, что больные животные, приняв «ванны», скоро поправлялись.

К берегам купоросного озера потянулись люди. Потом оборотистый купец завладел озером, раскинул табор из шалашей и палаток, открыл «курорт». В годы столыпинской реформы возникли рядом две деревушки. По выжженным солнцем степям ещё в тридцатые годы пришёл сюда геолог Иосиф Леонтьевич Рудницкий. В деревушке Украинке, где он остановился передохнуть, старожил показал ему «бисову» кость.

— Где ты взял это? — спросил Рудницкий.

— Позавчера принёс воду с озера, там и зачерпнул эту кость. А она, чертяка, глядь, и позеленела. Право слово — нечистая сила!

Иосиф Леонтьевич догадался — здесь медь. Стал изучать почву, воду. Пришли долгожданные лабораторные замеры: в воде оказалось высокое содержание меди. Значит, надо искать, бурить. Рудницкий с товарищами обследовал каждый метр степи, в лупу рассматривал глину и камушки у нор сусликов. Всё говорило о меди.

Много сделал для открытия этого крупнейшего в стране месторождения меди и другой известный ныне геолог — Мефодий Степанович Недожогин.

Недожогин умел «читать» землю, вслушиваться, вглядываться в её глубины.

Появление на карте нового адреса полезных ископаемых — жизненный подвиг первооткрывателей.

Таких значков на геологической карте Недожогина немало. Но самое дорогое для него открытие — Гайское месторождение медно-колчеданных руд. Поначалу многие с большим трудом пробуренные скважины оказывались пустыми. Хозяйка Медной горы тщательно скрывала свои подземные богатства. Кабинетные малoverы нажимали на Недожогина: «Это не поиск, а растраниживание государственных денег». Но он убеждал, настаивал, выпрашивал: «Ну хотя бы ещё десяток шурфов!»

И успех пришёл. Из-под тёмной толщи буровики выгнали зеленоватый с золотыми точками кусок медной руды. От него исходил запах серы.

Любимое место Недожогина — тот самый холм, где была когда-то стоянка первопроходцев-геологов, с него виден Гай, копры шахт, глубокие карьеры, игрушечные издали экскаваторы и самосвалы. Не зря прожита жизнь геолога.

В середине лета руководство стройки, в том числе Гуркин и я, выехало на пленум обкома партии, на котором обсуждался вопрос об ускорении хода строительства Гайского комбината.

Заканчивая своё выступление, первый секретарь сказал:

— Здесь присутствуют комсомольцы, пусть они скажут о своих нуждах.

Вскоре мне предоставили слово. От имени и по поручению своих товарищей-гайстроевцев я говорил о конкретных нуждах и проблемах стройки, о недостатках в организации труда и быта, о том, что энтузиазму молодёжи нужно материально-техническое обеспечение; конечно, люди могут и дальше жить в землянках и палатках, но лучше наряду со строительством промышленных объектов не забывать о жилье. Сейчас не тридцатые годы. Есть все возможности создать для гайстроевцев нормальные условия для жизни и труда.

Трепетную радость переживают люди при рождении ребёнка. Не менее глубоко чувство, вызванное рождением города. Первая палатка, первый дом, первая телеграмма, первый поцелуй, первая свадьба, первое деревце, первый асфальт... Всё первое.

Как-то в комсомольский штаб принесли небольшую посылочку. Развернули — семена и коротенькое письмо: «Дорогие дети! Примите в подарок мой труд. Пусть цветы украсят ваш палаточный городок. Я, старая комсомолка, выполню любое ваше поручение с радостью. Панина. Чертково, Ростовская область».

Письмо несколько раз прочитал по радио местный Левитан

— Ваня Сорокин. В штаб прибежали гонцы от каждой палатки. Скромная посылочка напомнила, что стройке нужны не только кирпич и бетон.

Пока поднимались дома, пять тысяч человек жили в Палаточном. Без замков и дверей, без диванов и кресел, без тёплой, а порой и без холодной воды. Тут не было шепотков — говорили во весь голос. Все слушали одну и ту же музыку. Читали одни и те же газеты — всё было общим. Всем было одинаково прохладно под одинаковыми одеялами. Просьшаясь, сразу же смотрели в верхний угол палатки. Если мухи сбились в кучу — значит, одевайся потеплее.

О гайстроевцах писали в газетах и «молниях», рассказывали по радио — местному и всесоюзному. Ударная стройка рождала своих новаторов, героев. Но встречались здесь и другие.

Был случай: три парня прогуляли по 15 дней, каждый заработал в месяц всего по двадцать рублей. Ходили вдоль палаток с гитарой, напевали пошленькие песенки. Решили вызвать их на суд общественности.

Вечером у эстрады собралось около двух тысяч человек. По просьбе милиции «суд» должен был обсудить ещё и шофёра Полякова за хищение брёвен.

— Кто хочет выступить? — предложил Гуркин, всматриваясь в лица. — Давайте обсудим, стоит ли в коллективе нашей ударной

Всесоюзной стройки держать таких?..

Ни одной руки, ни одного голоса. Но вот поднялась женщина с ребёнком на руках. Подошла к столу и вдруг запричитала:

— За что ребят выгонять?.. Я вот работаю на водоводе. По колено в воде, а девочке молока негде купить.

К сцене подошёл мужчина и резко заявил:

— Что мне здесь дали: холодную палатку, кефир? С места на место гоняют!

— А почему в столовой готовят брандахлыст? Куда вы смотрите? Кто дал мастерам право грубить? Что-то ваша комсомольская путёвка не больно греет!

Поднялся шахтёр Гена Попов и негромко сказал:

— В Оренбурге я зарабатывал хорошо. Квартиру имел. Но поехал сюда. И вовсе не за длинным рублём. Начал копать шахту... Этим трём скажу так: наши трудности вам не по плечу. Хлюпики вы. Дезертиры!

Посыпались вопросы. Гуркин поднял руку:

— Спокойно, товарищи, не все сразу... Да, недостатки есть. Но устранять их нам и только нам самим. Давайте ещё злее с ними бороться. Греет или не греет путёвка, короткий или длинный здесь рубль — комсомольцы не смотрят на родной Гай через замусоленный трояк. Нас путёвка привела на передовую, а на передовой лиха всегда больше. Но мы

закалёнными выйдем. Мы зажгли свет, мы пустили воду, но вы, трое, не радуетесь вместе с нами. Здесь те, кто получит награды за свой тяжкий труд, но вы не пожмёте им руки, они не протянут их вам. И самое главное — надо иметь не только одинаковые комсомольские билеты, но и одинаково горячие отважные души. Как вас хоть по-человечески звать: Кешка, Артист, Король?

— Серёжа.

— Владимир.

— Гера... или Герман, точнее, — тихо отвечали «подсудимые».

— Нам с вами не по пути. Завтра уйдёте из Гая. Пешком уйдёте. А по дороге подумаете, как жить нужно.

— Взметнулся лес рук — высказаться захотели многие.

— Тихо, давайте по порядку.

Вышел невысокий паренёк в очках. Я уже знал его — Володя Андрианов, комсорг калгановской бригады.

— Я не согласен с начальником штаба. Ребят нужно прочистить и оставить, — предложил он.

Выступили ещё несколько человек и сошлись на одном: оставить.

Просили ещё слова. Володя Гуркин дал его старику-возчику. Поднявшись, он поздоровался за руку с теми, кто был в президиуме, и заявил:

— А я ни с кем не согласный.

Это вызвало смех, аплодисменты. Ещё бы — один старик на весь молодёжный городок. И мнение имеет сугубо личное.

— Побранили мы ребят, хорошо полохматили. Но это не всё, по-моему. Предлагаю, чтобы Король и его дружки написали в газету и извинились печатно перед всем рабочим классом нашей стройки. Рассказали, почему не работают, а шаландуются здесь.

— Верно!

По второму вопросу мнения были короткие. Начальник милиции доложил о том, что Поляков увёз шесть брёвен для постройки своего дома. Поляков, объясняя свой поступок, сказал:

— Земляки! У меня трое детей, жена больная. Живу в землянке. Решил до зимы хатёнку сбить. Землю дали, а стройматериалов — не разживусь. Попросил прораба, тот условие — поработаешь неделю в две смены — 5-6 брёвен получишь. Вот я их, трудовых, и поволок. Я никогда, люди, гвоздя не взял чужого!

Единогласно решили: брёвна вернуть стройке. Обязать прораба Феофилова оформить наряд за двухсменную работу. Предложить поссовету рассмотреть вопрос об индивидуальном строительстве, наладить торговлю стройматериалами, оказать комсомольскую помощь Полякову — провести два субботника на строительстве его дома.

Закончили «суд» где-то около полуночи. Активисты расходились молча. Устали, перенервничали. Я подумал: «Хорошо, что так окончилось. А если бы верх взяли демагоги?...»

Рано утром Николай Иванович Конычев, парторг стройки, накинулся на меня с укором:

— Кто вам разрешил собирать две тысячи человек? Будете отвечать сегодня на партбюро.

— Может, я и заслужил партийное наказание, — сказал я на заседании партбюро. — Но в проведении суда не вижу ничего зазорного. Это хорошо, что, решая судьбы четырёх провинившихся, люди высказались, открыли нам глаза на личные недостатки. А их у нас слишком много.

— Верно, — поддержал меня управляющий трестом Радостев. — Теперь бы неплохо рассказать в нашей многотиражке о том, что будет сделано конкретно по устранению недостатков, о которых говорили ребята.

— Летние месяцы на стройке — пора большого наступления и серьёзных испытаний. Строили с колёс, не вся молодёжь была обучена, мастеров и прорабов не хватало. Мы с Гуркиным делали ставку на бригадиров как организаторов и воспитателей молодёжи в труде и быту. Хорошая слава сложилась о бригаде штукатуров Нины Пономарёвой. Застенчивая девушка, выпускница оренбургского строительного училища, создала в коллективе благоприятный психологический климат, люди работали на совесть, не считаясь со временем, ежедневно перекрывали задания. Они всюду успевали: участвовать в комсомольских рейдах, в художественной самодеятельности. Палатка

девушек занимала первое место по чистоте, уюту. Вся бригада училась в вечерней школе.

Безотказно брался за самые трудные работы бригадир Василий Черкас. К тому же он обучил строительному делу более двухсот ребят. На каждого хватало его щедрого сердца.

Из детдомовцев вышел бригадир плотников Алексей Шибин. В слякотном марте пришёл он в Гай. Набрал юнцов, немех, потом, сплотив их и выучив, передал своему ученику Эдуарду Клейну, а сам взялся за формирование и обучение новой бригады. Жил вместе с ребятами в одной палатке, кормил их обедами собственного приготовления. Алексей был признанным поваром.

В августе начались первые новоселья. Воля комсомольцев была такова: в первую очередь переселять только девушек. Парни по-рыцарски терпели непогоду. Ох, как ждали они тёплого угла! А получили его только в бурном ноябре. Последними палаточный городок покидали штабисты.

Прощаясь, прошли они по опустевшей стоянке и заметили в густых сумерках одинокую палатку. В ней желтел огонёк. Оказалось, там жил парень — любитель голубей, которых он держал в небольшой пристройке. А куда девать голубей теперь? Условились подобрать парню такое жильё, чтобы голуби были рядом, под

окном. Пока шёл разговор, голубки уселись парню на плечи и, вытягивая шейки, пытались заглянуть ему в глаза. Птицы перезимовали благополучно, привыкли к людям, стали их друзьями. Никак нельзя было оставлять их в опустевшем городке.

Комсомольский штаб всё опытнее и целеустремлённее занимался организацией труда и быта молодых строителей. Парторг стройки Николай Иванович Коньчев, секретарь горкома партии Иван Артёмович Хлевин, старшие комсомольские товарищи всегда были рядом, учили, подсказывали, критиковали.

Трудно было очертить круг обязанностей начальника комсомольского штаба. За всё он был в ответе. Идёшь по стройке, а к тебе со всех сторон летят горячие просьбы:

- Помогите с гвоздями.
- Сидим без раствора!
- Где же обещанный кирпич?

Приходилось выяснять, спрашивать, подталкивать. Хотя зачем бы комсorghу заниматься гвоздями, если есть прорабы и мастера?

Так-то оно так, но жизнь стройки диктовала свои законы, вручала свои полномочия.

О стиле работы комсомольского штаба писали газеты. Одна из них, помимо похвалы, отмечала: «У штаба и его руководителя есть промахи. Их видят и о них говорят сами гайстроевцы. Очень хорошо, что штаб оперативно откликается на самые

разнообразные их сигналы и нужды. Но беда в том, что он пытается всё осилить сам, часто без помощи актива, и поэтому за мелочами упускает главное. Не хватает ещё комсомольскому штабу Гайстрою напористости в решении главных, коренных вопросов строительства. Когда этого требуют интересы дела, члены штаба должны быть принципиальными и настойчивыми».

Члены штаба делали выводы. Посоветовавшись с активом, решили создать на самых важнейших объектах комсомольские посты. На домах, на кабинах автомобилей, на экскаваторах появлялись надписи: «Здесь работает начальник комсомольского поста (фамилия, имя)». Делалось это для того, чтобы строитель не бежал в штаб, а передал замечание, предложение или просьбу тому, кто возглавлял комсомольский пост. После шести в штаб заходили или звонили начальники постов — стекалась конкретная свежая информация со всех объектов.

Работа штаба заметно оживилась, он стал ближе к людям. Вопросы обсуждались оперативные, неотложные.

Опытные хозяйственники думали вместе с комсомольцами о делах стройки, её заботах, насущных потребностях, вместе искали пути решения. Это была школа, в ней уму-разуму жадно учились командиры производства, парторги, комсомольские активисты.

Не было случая, чтобы кто-то из руководителей опоздал на заседание. Однажды только разошлись во мнениях. В Гае негде было смотреть кино и репетировать артистам художественной самодеятельности. Летом — на открытой площадке, а как зимой? Штабисты просили управляющего трестом ускорить строительство кинотеатра. Он оправдывался — людей не хватало на строительство жилья и важнейших промышленных объектов. Репетиции продолжались в небольших комнатах общежитий, негде было разместиться многочисленному хору. На одну из репетиций пригласили управляющего трестом.

— На кинотеатр нужен минимум год, — делился с ребятами Радостев. — Давайте сделаем пристройку к клубу. Только договоримся — всё сами, не во вред жилью. То есть материалы вы получите, а время для этой стройки выкроите сами...

В октябрьский вечер «молнии» рассказали о решении штаба. И в первое же воскресенье комсомольцы вырыли фундамент под кинотеатр. Очень спешили, ибо был уговор — новогодний бал провести в этом помещении.

Первый секретарь обкома комсомола Пётр Алексюк уделял стройке живейшее внимание. Часто приезжал, звонил, требовал чёткой и честной информации о ходе строительства. В нём удивительно сочетались душевность и деловитость, чуткость и строгость, принципиальность и

доброта. В беседах Пётр Михайлович обычно говорил:

— Об успехах знаем. Давайте с середины. Над чем работаете, что не получается, какие трудности?

Каждый понедельник в восемь часов утра в штабе раздавался долгий звонок междугородной.

— Как прошла неделя? Какие планы? — спрашивал из Оренбурга Алексюк.

Слушая, сразу же давал советы, поддерживал или возражал. Затем конкретно поручал: проверьте, почему не пишет домой такой-то; организуйте работу художников из Москвы... И в конце обязательное: какие просьбы к обкому?

Первое время их не было. Мы с Гуркиным, пожалуй, ещё не знали, с чем конкретно можно обращаться в такую высокую инстанцию. За это нам и доставалось: варитесь в собственном соку!

— Если нет вопросов, значит, плохо знаете обстановку, настроение комсомольцев, — резюмировал первый секретарь.

Штаб ежедневно, а иногда и ежечасно выпускал «молнии». Поздравительные и сатирические. Писались они очень броско, красочно. Вывешивались на самых людных местах. Их читали. Они дисциплинировали, объединяли.

Зеленоватую горкомовскую «Волгу» Ивана Артёмовича Хлевина в течение дня можно было встретить всюду. Строго следил он за графиком строительства,

вникал во все его нюансы. С пристрастием проверял молодые нужды, подсказывал, советовал, требовал.

Однажды на штабном вагончике он увидел живописную свинью из фанеры. Под ней слова: «Где грязь — там и я». А рядом текст «тревоги»: «На участке Вальяно очень много хлама».

— Вы знаете, как реагировал Вальяно? — рассказывал ему Гуркин. — Весь белый, прибежал в партбюро жаловаться на комсомол. Задело. Сейчас наводит порядок.

Первый секретарь промолчал, вошёл в штаб, обратился ко мне:

— Покажи дневник штаба... Ну что ж, хорошо, — приговаривал он, листая толстую рабочую тетрадь. — А это что?

«Звонила домой директору машиностроительного завода, который срывает поставку фланцев для водовода. Разговаривала с женой. Как можно любить такого мужа?» Подпись.

Первый секретарь, улыбаясь, качал головой.

— Так, так. Почитаем-ка дальше.

Гайские пионеры написали всем классом сорок почтовых открыток директору другого завода. «Дядя Вася! Наши отцы и братья строят Гай. От них мы узнали, что ваш завод задерживает выдачу металлоконструкций на водовод. Это не по-пионерски». На второй день директор был на

стройке, разобрался. Отгрузили все конструкции. Пионеры помогли.

Первый секретарь шумно захлопнул журнал, закурил, повернулся к штабистам:

— Кто вас учил всему этому?

— Никто.

— Дрова ломаете и остановиться не можете! Посудите сами, прочитал такую «свинью» товарищ Вальяно. Что он подумал о штабе? Некультурные люди там сидят, не умеют даже покритиковать. Критика — это не оскорбление, критика — не топор, это скорее наждак. Вот дальше — вы звонили жене директора, тем более в полночь. Что это за бестактность? Ну выбили фланцы, а каким путём? Вы слабость свою показываете. То же самое с пионерами... Втягиваете детей в дела, которые должны решаться нами... Что это за методы?

— Мальчишество это, — подержал критику Николай Иванович Конычев.

— Старшие любовно и строго растили, воспитывали в нас чуткость, скромность, любовь к людям. Ведь стройка собрала очень разных по степени образованности и уровню культуры юношей и девушек. К каждому нужен был душевный подход. Нужно было знать, откуда человек приехал на стройку, какие мотивы привели его сюда, какая нравственная энергия питает его самоотверженный труд. Я

старался каждого знать по имени, заглянуть в душевный мир, понять. Знакомство с людьми происходило не на пляже, не на танцах, не за уютным столиком кафе, а в траншеях, котлованах, у бетономешалок, на строительных лесах и площадках.

Однажды в подъезде одного дома мне встретился паренёк. Заросший, невымытый, в драной фуфайчонке, он спал у тёплой батареи прямо на цементном полу. Я разбудил бедолагу, внимательно расспросил о жите-бытье. Это был Митя Ковров, воспитанник детдома, из которого бежал ещё весной, был поварёнком в рыболовецкой бригаде, затем подпаском. Но лето кончилось, рыбаки с берега ушли, коровы колхозные заняли свои зимние стойла. Митя оказался не у дел, а в детдом возвращаться не желает: «До каких же пор мне там воспитываться? Я работать хочу и прошу, пожалуйста, не отправляйте меня в детдом».

— А специальность у тебя есть? Делать-то что-нибудь умеешь? — спросил я беспризорника.

— Не умею... Сапожником немного пробовал, поваром. За чем вам это на такой стройке?

— Нам очень нужны сапожники. Скоро своё ателье построим. Вот ты и будешь там работать.

— Зачем смеётесь? — Паренёк нахмурился и отодвинулся от меня. Мы сидели на бетонных ступеньках лестничного марша и

в упор глядели друг на друга. — Лучше бы папироской угостили.

— Не курю и тебе советую с нынешнего же дня бросить эту мерзость.

— При первой встрече и такие речи — сразу воспитывать начинаете, а мне... есть и курить охота. Сам-то вон какой справный...

— Идём ко мне, накормлю, — предложил я.

— А, знаю, в милицию сдать хотите. — Паренёк вскочил и кинулся к двери. Я едва догнал его, крепко ухватил за руку и повёл к себе в комнату.

Когда парень вымылся под душем, я нашёл для него кое-какое старое, но чистое бельё. Потом дал хлеба, колбасы, чаю. Паренёк с жадностью уминал всё это за обе щеки, а когда насытился и оглядел комнату, то сказал с завистью:

— Хорошо живёте.

Заметив на тумбочке портрет пожилой женщины и узнав, что это моя мать, он со вздохом повторил:

— Хорошо живёшь. И еда, и одежда у тебя. И мама вот на тебя всегда смотрит... А у меня никого... Так на душе иногда засквозит...

Исповедуясь, паренёк незаметно для себя заснул на раскинутой на полу моей старой солдатской шинели, которую я за неимением пальто иногда надевал в ненастные осенние дни.

Утром с трудом разбудил гостя. Тот натягивал на голову

одеяло и никак не хотел подниматься. А когда очнулся и понял, где он, мигом соскочил и пошёл к двери.

— Стой! Куда ты?

— Куда-нибудь... где-нибудь... — невнятно забормотал паренёк.

— Ты вот что... Оставайся-ка у меня. Поручение тебе дам.

Я достал из кладовки свои старые, со сбитыми подмётками сапоги, нашёл молоток, шило, гвоздики, кусочки брезента, резинки и всё это отдал пареньку.

— Вот, сапоги нужно подбить. Сам хотел, да всё недосуг. Сумеешь?

— Попробую.

— На тебе ключ, а я побежал на стройку. Вечером встретимся и поговорим.

Растерянная и радостная улыбка осветила настороженное лицо паренька: ему доверяли комнату, к нему обращались с просьбой, он был нужным человеком!

Сапоги он отремонтировал крепко, я поглядел на них и с улыбкой сказал:

— Дарю их тебе! Носи. А рвань со своих ног сбрось и вынеси на помойку.

Ещё пуще обрадовался парнишка и, чтобы проверить, не игра ли это какая, спросил напрямик:

— Вы кто?

— Начальник комсомольского штаба этой стройки.

— Так... а как же... вы мне,

совсем незнакомому, квартиру оставили? А если бы я её обокрал?

— Ну, если бы у бабушки были усы, то она была бы не бабушка, а дедушка, — подмигнул я беспризорику и, задумавшись, добавил серьёзно:

— Поверил я тебе сразу потому, что судьбы у нас с тобой во многом схожи. Ты — безотцовщина, я — тоже. Ты спишь в подъездах, и я когда-то на вокзалах... бывало...

И вспомнилось своё, болевое...

Отца, коммуниста, я не помнил: он умер в 1938 году. В послевоенные годы голодовал, холодовал, четырнадцатилетним подростком пришёл в цех «Ростсельмаш», где трудилась моя мать. Слесарил, а вечерами учился в школе, писал стихи и заметки в заводскую многотиражку. Потом учёба в институте, служба в рядах Советской Армии. И вот — стройка...

— Понимаешь, надо поверить в себя, в то, что ты ценный, нужный для всех человек, — сказал я пареньку.

— Да кому я нужен? Кто я такой?

— Так стань нужным! Всё у тебя для этого есть. Молодость, мастеровые руки. Силы воли, может, не хватает. Так возьми и воспитай. В деле, в большом, нужном для людей деле она воспитывается.

Вскоре в одном переулке появился зелёный щитовой домик,

а на нём вывеска: «Сапожная мастерская». И повалили туда обрадованные гайстроевцы: чем в Орск за сорок километров везти на починку обувь, куда как удобнее сдать её по месту жительства.

Я внимательно взглядывался не только в юные лица гайстроевцев, но и в их судьбы, биографии, пытаясь понять, чем же привлекает Гай молодых первоходцев.

Вот Надя Каргель. Ей 19 лет. В Гай приехала из Брянской области, где заведовала сельским клубом. На стройке после обучения стала работать электро-сварщицей на роторном участке рудника, а после смены учиться в вечерней школе. По мнению Нади, быть завклубом, концерты показывать, конечно, тоже нужно, но строить важнее...

Нетерпеливая мечта совершить что-то большое, значительное привела в Гай и Людую Фоминову, бывшую работницу оренбургского шелкокомбината, переквалифицировавшуюся в штукатура-маляра.

И таких судеб сотни, тысячи.

Романтизм, писал один поэт, есть жадное стремление жить удесятёрённой жизнью. В Гае это стремление у тысяч молодых и не только молодых людей находило желанную атмосферу, возможность для полной своей реализации.

— В Гае невольно становишься поэтом, — сказал в своём

выступлении на молодёжном вечере инженер строящегося горно-обогатительного комбината Фёдор Бычков. — Мне пятьдесят, но без стихов не могу, вокруг такое творится — дух захватывает. Разрешите: прочту самое свеженькое?

И вот Бычков на трибуне, он инженер, он же и поэт:

*Тут всё вокруг — моё и наше.
И сам не знаю, почему
Я улыбаюсь Сашам, Машам
И другу сердца моему.
Дома, и школы, и больницы,
И всё вокруг, и всё вокруг,
Как это в песне говорится,
Дела моих рабочих рук.*

Нельзя было не заметить то знаменательное обстоятельство, что свои стихи гайстроевцы подписывали так: В. Потешкин, шофёр, В. Лопато, штукатур, А. Сесемкин, мастер, В. Борисов, электрик.

Недаром говорят: прочти свои стихи, и я скажу, кто ты. Поэзия гайстроевцев — это поэзия труда и романтики, поэзия беспокойной молодой души. Это поэтическое осмысление подвига. Некоторые стихи я переписал в свой дневник и выучил наизусть как яркие страницы летописи стройки. Вот одно из них. Молодой конструктор Леонид Волков писал:

*Помните, нытики ахали,
Ударяя из Гаи,*

*Над нами смеялись:
«Вы — пахари
Неродящего края».
И ходили, куражились
Легкодумные парни,
Когда первые саженцы
Появлялись на камнях.
Только самые сильные
Приживались ростки,
В небо вытянув синее,
Улыбаясь, листки.
Их любили, им верили
Мы в те зной палыщие,
Сквозь дожди и метели
Сберегли настоящее.*

Это стихотворение напечатала впоследствии областная газета.

Гостем и другом гайстроевцев был уральский писатель-романист Б. С. Бурлак. Чуть позже Борис Сергеевич напишет: «Любовь к родине имеет точные географические координаты. Для меня поразительно ёмкое, могучее

понятие «народ» начиналось с тех людей, которых я видел и постигал ещё в юности, а родиной моей с детства был Урал. И о чём бы я ни писал — о войне, о стройках, о земледельцах, — точкой отсчёта литературного замысла всегда служил Урал».

Необыкновенно щедра уральская земля, её недра, её работающие волевые люди. Бурлак всегда был рядом с ними, одаривал звонким и мужественным словом в печати неутомимых геологов-первооткрывателей. Именно Иосиф Леонтьевич Рудницкий, лауреат Ленинской премии, послужил прототипом литературного образа страстного искателя в романах Б. Бурлака «Седьмой переход» и «Возраст земли». Рудницкий открыл уникальные залежи гайской меди, и многие медеплавильные заводы были надёжно и надолго обеспечены богатейшей рудой.

*Виктор Петрович Поляничко погиб
в Северной Осетии в результате
террористического акта.
Похоронен на Новодевичьем
кладбище в Москве.*

В.П.Поляничко (справа) — начальник штаба ударной комсомольской стройки Гайского горно-обогатительного комбината. 1959 г.

Первый секретарь Орского горкома ВЛКСМ. 1961 г.

Первый секретарь Челябинского обкома ВЛКСМ. 1970 г.

**В.П. Поляничко приветствует бойцов студенческих строительных отрядов.
Начало 70-х годов.**

**Могила Виктора Поляничко на Новодевичьем
кладбище в Москве**